

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.3.001

УДК 130.2; 141; 930.1

Я. В. Мальцев*

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ПЕРМАНЕНТНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Предметом исследования в статье является история в контексте концепции перманентной современности, понимаемой в качестве особой экзистенциальной ситуации картезиански трактуемого субъекта, находящегося в основе культуры, обеспечивающего ее генезис, изменчивость, трансляцию и стабильность. Перманентная современность постигается как Я-субъективность (А. В. Павлов), т. е. представляет собой культуuroобразующую рефлексию субъекта над проблемностью собственного бытия, при которой сам субъект создает культуру посредством диалога с другими субъектами. История в границах перманентной современности являет собой вид личного экзистенциального опыта взаимодействия субъекта со временем, благодаря которому история (как знание о прошлом) всегда оказывается проектом будущего, потому как превращается в практику создания культурного горизонта. История становится одной из важнейших процедур субъективации, равной философии и психоанализу, приобретает личное, социальное и политическое значение.

Ключевые слова: перманентная современность, субъект, субъективность, история, диалог.

Y. V. Maltsev

HISTORY AND HISTORICAL IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF PERMANENT MODERNITY

The subject of this research is history in the context of the concept of permanent modernity, understood as a special existential situation of the Cartesian interpreted subject, which is at the heart of culture, providing its genesis, variability, translation, and stability. Permanent modernity is perceived as self-subjectivity (A. V. Pavlov), that is, it is a culture-forming reflection of the subject over the problematic nature of personal being, in which

* Мальцев Ярослав Владимирович, кандидат философских наук, кафедра новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет; maltsevyaroslav@gmail.com

the subject himself creates culture through dialogue with other subjects. History, within the boundaries of permanent modernity, is a kind of personal existential experience of the subject's interaction with time, thanks to which history (as knowledge about the past) always turns out to be a project of the future, because it turns into the practice of creating a cultural horizon. History becomes one of the most important procedures of subjectification, equal to philosophy and psychoanalysis, acquires personal, social, and political significance.

Keywords: permanent modernity, subject, subjectivity, history, dialogue.

Предметом исследования данной статьи являются история (как практика познания и практика субъективации) и историческое (как экзистенциал) в контексте концепции перманентной современности — экзистенциальной ситуации отношений человека со временем, ситуации *Dasein* (вот-бытие), онтологического кода культуры. Сама перманентная современность при таком подходе превращается в объект исследования, срезом которого необходимо оказывается история. Цель статьи: понять, каким образом «стоящий в просвете бытия» (М. Хайдеггер) субъект, находящийся в ситуации «здесь-и сейчас», осуществляющий схватывание культурной (исторической и настоящей) и социальной (настоящей) темпоральности через *cogito*, через *esse est percipi*, через *sapere aude*, использует историю как практику субъективации, с одной стороны, как практику трансформации культуры — с другой; каким образом благодаря субъекту история превращается из позитивистской науки о прошлом в антропологическую практику себя (М. Фуко), в экзистенциал, в проект будущего (Р. Козеллек).

В связи с задачей постичь историю как феномен и человека как сущность методологической основой статьи является *Dasein*-анализ, позволяющий использовать как психоаналитические (З. Фрейд, Ж. Лакан), так и феноменологические и экзистенциальные (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр) инструменты. Данная методология разрешает обратиться к исследованию переживаемого опыта, показать вещи «из них самих» и то, как они связаны с *Dasein*, когда речь идет о нем самом. В фокусе подобной методологии необходимо сразу очертить проблемные рамки статьи: они ограничиваются историей как экзистенциалом субъекта и не затрагивают всю сложность формирования субъекта и онтологический статус перманентной современности в целом — это тема других текстов.

Кроме того автор обращается к концепциям А. Бадью (об истине, ее процедурах, политическом) и Ж. Рансьера (политическое), позволяющим помыслить историческое в качестве одной из процедур истины, одной из процедур субъективации, одной из процедур политического.

История традиционно переводится как «исследование» и соотносится с древнегреческим языком. Проблема тут в том, что греческий мир не имел ни своего Фрейда, ни своего Лакана, хотя был полон психоаналитических трагедий или историй. Лакан говорит нам, что психоанализ есть конструирование субъектом самого себя посредством проговаривания собственной истории [11, с. 27]. Из этого аналитического источника Фуко разворачивает свое учение о дискурсе и берет начало мысль постмодерна. Но дело в том, что мысль Лакана универсальна: она указывает на тот факт, что мы пишем истории и познаем мир через истории. История в данном контексте не столько исследование, сколько повествование. У. Эко в одной из своих «картонок» («Вот вам и прямой угол») пишет об особенностях детского познания — не через определения, но через

рассказывание истории: «Помнишь, как мы вышли в бабушкин сад, а там бегал такой-то зверь...» [23, с. 511] Истории образуют общий ствол знания, от которого в дальнейшем отпочковываются листочки конкретики.

Э. Саид, в свою очередь, в своих войнах с колониализмом опирается именно на текстуальные исследования, отмечая: «В основе того, что исследователи и писатели говорят о неизвестных регионах мира, лежат именно повествования». Далее: «Они же становятся и методом, при помощи которого колонизированный народ обычно выражает свою идентичность и наличие собственной истории» [17, с. 8]. Чуть ранее, в своем *masterpiece*, Саид указывает: «То же самое (конструирование нарратива как истории. — Я. М.) верно и для ориенталистов, которые выстраивали историю Востока, его характер и судьбу на протяжении сотен лет» [18, с. 149]. Безусловно, это выстраивание исторического нарратива, всегда несовершенного в своей методологии на конкретно-историческом этапе, влияло и на интерпретации настоящего, и на будущее.

XX век дал нам всплеск направлений исторического взгляда: история ментальностей и антропологический подход, который вместо структур уделил внимание единичному; гендерная история; African-American history и проч. — веер исторических фокусов «снизу», по-своему интерпретирующих прошлое для решения задач настоящего и выстраивания будущего. Внутри каждого из этих фокусов исследователь может руководствоваться профессиональной методологией историка, но сам вектор взгляда, сама постановка вопроса придает якобы нейтральным научным исследованиям в угодах Клио общественную значимость и со-временное звучание: они отвечают запросам настоящего-будущего, они плод тектонических социальных течений и кирпичики дальнейшего культурного строительства.

Итак, предметом данной статьи является историческое в контексте концепции перманентной современности. Перманентная современность (*permanent modernity*) представляет собой онтологическую ситуацию бытия человека в мире: его укорененности во времени и со временем. Концепция исходит из того, что современность — это перманентная ситуация отношения человека со временем его жизни, попытки это время ухватить (отрефлексировать) и одновременно с этим создать в качестве новой формы культуры. Современность в данном фокусе понимается как Я-субъективность, что было предложено А. В. Павловым [15] и верифицировано в результате последующей дискуссии [5; 7; 20; 22].

В основе концепции, таким образом, оказывается понимаемый картезиански субъект как развитое, творческое, волюнтаристское и свободное Я, чьи собственные основания познаны и подчинены ему самому, — ситуация, которую Фихте выражает формулой Я=Я, а Лакан резюмирует как итог успешного анализа: когда субъект говорит с вами и о себе. Физическое существование субъекта во времени и его ментальные операции, нацеленные на понимание времени, связывающие его с другими субъектами в пространстве и времени, образуют интерсубъективный каркас перманентной современности, основой которого является передаваемая от субъекта субъекту мысль, разворачивающийся в объемном пространстве-времени диалог субъектов. Разве не нечто подобное показывает нам Д. Линч в своем фильме «Шоссе в никуда» (1996)?

Сцена, где Таинственный человек говорит Фреду, присутствуя перед ним здесь-и-сейчас, что находится дома у Фреда и протягивает телефон, чтобы Фред мог в этом удостовериться. Фред делает звонок домой и на другом конце провода ему отвечает Таинственный человек. Эта сцена из Линча кажется удачным воплощением того, как происходит диалог субъектов во времени, обеспечивая стабильность и динамику культуры. А. Тойнби приводит свою интуицию относительно именно такого понимания истории. Он пишет про свои размышления о времени Первой мировой войны, которое ему пришлось переживать:

Тот опыт, те переживания, которые мы испытываем в наше время и в нашем мире, уже были пережиты Фукидидом в свое время. <...> Фукидид, как я теперь понял, уже прошел по этому пути прежде нас. Он сам и его поколение по историческому опыту стояли на более высокой ступени, нежели я и мое поколение относительно своего времени: собственно, его настоящее соответствовало моему будущему. Но это превращало в нонсенс ту общепринятую формулу, что обозначала мой мир как «современный», а мир Фукидида как «древний». Что бы там ни говорила хронология, мой мир и мир Фукидида оказались в философском аспекте современниками. И если это положение истинно для соотношения греко-римской и западной цивилизаций, не может ли случиться так, что то же самое можно сказать и обо всех других цивилизациях, известных нам? [19, с. 15–16]

Итак, с точки зрения перманентной современности прошлое прошло, но оно не закрыто. В ситуации современности прошлое, настоящее и будущее встречаются, пересекаются и существуют в сознании субъекта.

Прошлое не только прошло, но продолжается сегодня; чувство истории побуждает писать, не просто сознавая себя одним из нынешнего поколения, но ощущая, что вся литература Европы, от Гомера до наших дней, и внутри нее — вся литература собственной твоей страны существует единовременно и образует единовременный соразмерный ряд. <...> И вместе с тем оно дает писателю чрезвычайно отчетливое ощущение своего места во времени, своей современности [24, с. 158].

Прошлое неотделимо от настоящего. И от будущего. Человек всегда одновременно пребывает как бы в трех измерениях, находясь в одном (не в этом ли идея Троицы?). Все три временных абстракции сосуществуют в единице человеческого разума или в рациональности (как нормативного стандарта мышления, с которым соотносятся индивидуальные разумы в процессе социализации [12, с. 3]) момента. Нельзя понять прошлое без учета настоящего, нет настоящего без прошлого, но нет и будущего. Интерпретации прошлого — материал будущности: чего избегать, что строить или не строить, с чем идентифицироваться. Как бы ни желали историки стать максимально объективными, но даже выбор подхода влияет на все временные измерения: формации (классы, массы, макропроцессы) или антропология (единичность, микроуровень) — это уже акценты для воспитания и социального строительства. Парадокс истории: можно быть абсолютно вне идеологии и нести идеологию. Потому что история — это диалог, это выяснение своих отношений со временем.

Иными словами, история всегда субъективна, т. к. она — акт субъекта, его саморефлексия, расширенная до социального. История ставляет субъекту

опыт и идеи, а идеи — это виды возможностей, возможностей грядущего общества. Если психоанализ касается написания личной истории субъекта, то история — это подобная же работа относительно социальной истории субъекта, субъекта как части общности и субъекта как базисного элемента культуры, который ее воспринимает, интерпретирует и пересоздает в каждом жесте своего бытия. История связывает субъективности в цепочку взаимодействий. Если Ф. Бродель строит свою историческую оптику (и исходя из этого воздвигается методология мир-системного анализа) на основе рынков и производимых между ними обменов [6, с. 23], то в контексте перманентной современности обмен происходит не между рынками, но между субъектами, при том что субъект остается всегда актуальным: к примеру, Платон в подобном подходе рассматривается и как актер прошлого, и как актер настоящего, причем акцент на роли Платона сегодня становится приоритетным.

Если смотреть на социальное как на проекцию, разворачивающуюся из сингулярности субъекта-со-временем, то история в этой оптике приобретает крайне субъективное измерение, опускаясь на уровень конкретной мысли. История превращается из науки, изучающей процессы, массы и движения, в личное восприятие субъекта. Прошлое — изучаемое и получаемое — становится опытом субъекта. В процессе своего становления — растянутого в бесконечность конечности жизни — субъект неизбежно является историком: он пишет свою личную историю (собственно, примерно так история понималась до XVIII в.) и пишет историю общую: т. е. даже не являясь историком-профессионалом, не занимаясь целенаправленными историческими исследованиями, субъект вынужден работать с историей и в истории.

Работать-в-истории означает, что субъект участвует в ее создании в силу той структурной роли, которую занимает. Марксистский взгляд на историю как на проект действия масс был адекватен: массы — это то крупное (и абстрактное), что мы видим на поверхности исторического движения: любая война — это масса, нахлынувшая на массу; политическая или индустриальная революция — это продукт действия массы. Массы — леса, из которых строится историческое здание.

Но массы слишком абстрактны. Массы состоят из примкнувших. Тезис о том, что интеллигенты — попутчики рабочего класса, не совсем корректен и требует обратного прочтения: интеллигенты (несмотря на свой долг критики всего и вся, в т. ч. «критики собственных попутчиков» (У. Эко)) определяют вектор и цель, а уже массы группируются вокруг, если эта цель подходит, если эта цель удовлетворяет их социальные потребности. Ленин, говоря, что «сознание класса привносится извне», архипроницательно подмечал этот момент: интеллигент говорит что, как, почему желать и к чему двигаться, потому что все это горизонт мысли, горизонт ожидания (Р. Козеллек), т. е. операция, требующая сложной рефлексии, чтобы иметь возможной быть сформулированной и высказанной в тексте, который в момент События и поддержки обретает вид декларации, облекается в борьбу.

Для преодоления себя обыденности нужны укол (физический стимул, наподобие голода 1917 г.) и свой Данко(субъект с сердцем-идеей, прокладывающий путь).

Субъект работает в истории, потому что его мысль — акт действия в социальном пространстве. Мысль субъекта — высказывание. И это высказывание, чего бы оно не касалось — политики, живописи, практики заботы о себе, — есть то, что А. Бадью определяет в формуле: «Художественное событие обозначается пришествием новых форм» [4, с. 88]. То есть высказывание субъекта — это высказывание новой формы грядущего, высказывание, которое должно вести к изменению слушающего, к катарсису. Кант утверждал, что Юм разбудил его от догматического сна, т. е. Юм совершил операцию субъекта — его высказывание конфигурировало новую культурную ситуацию.

Массы двигаются за культурой. Культура выражена в единичном. Сначала появляется высказывание в культуре, и это высказывание касается истории, потому оно расширяется в массы и становится способным к тектоническому движению. От Маркса нужно возвращаться к Гегелю: немецкие идеалисты были более тонки в своей работе. Разве не поэтому С. Жижек призывает к тому же — актуализации Гегеля? [8, с. 8]

По существу, именно XVIII в. был веком складывания текущего модерна, который мы не можем завершить, который скорее отступает перед сложностью реализации задачи, поставленной его идейными основателями, — задачи разбудить разум. Гегель идеально уловил суть времени: за всеми суетливыми движениями масс на картах Европы XVIII–XIX вв. — политической, индустриальной, национальной революций — он разглядел движитель — Идею. Идею, чьим рупором являлся субъект-во-времени. XVIII–XIX вв. были насыщены попытками приблизиться к истине.

Итак, работать-в-истории для субъекта означает делать высказывание. Высказывание в широком смысле и в разнообразной форме.

Для субъекта история — операция приближения к истине, операция по осмыслению времени. История — не история масс, но история единиц, которые, осуществляя операцию познания (пространство опыта у Р. Козеллека), разворачивают горизонт утопии (горизонт ожидания). История — часть личного опыта субъекта. Иными словами, отношения субъекта с историей строятся на принципе, которым оперировал Сартр: неважно, от кого произошел человек — Бога, обезьяны или родителей, — а важно, что человеку делать с собой сейчас. «Не то, откуда вы идете, пусть составит отныне вашу честь, а то, куда вы идете!» [14, с. 192] (Ф. Ницше).

Смысл истории — смысл субъекта, т. е. находится на экзистенциальном уровне.

Субъект работает с историей для понимания текущего.

Субъект задает динамику исторического.

История необходима для понимания проживаемого, для ориентации в идентификациях, для действия в настоящем и для События грядущего. А. Бадью писал, что в процедурах истины важное значение имеет сохранение верности прошлому Событию и ожидание/подготовка События грядущего, что помещает субъекта в пространство между двух Событий [4, с. 21–22]. Собственно, в этом пространстве и разворачивается история: история прошлого и история будущего в конкретном *cogito* настоящего.

Сегодня общим местом считается тезис, что каждое новое поколение стремится посмотреть на события прошлого по-новому, иначе их интерпретировать.

Это снова массовый подход. Дело не в поколениях (опросы исторического знания поколений показывают скорее отсутствие этих знаний), а в конкретных субъектах, каждый из которых действительно понимает историю по-своему. Отсюда крайняя вариативность истории. Наличие множественности исторических интерпретаций субъекта вносит в будущее элемент непредсказуемости — мы не знаем, какая интерпретация победит. При этом речь идет именно об интерпретирующих (создающих, пишущих) прошлое субъектах, плодами размышлений которых становятся великие произведения. Как отмечает Жижек, «каждое новое великое произведение искусства полностью меняет прошлое. Прошлое принадлежит вечности, но не неизменной вечности, а вечности, которая постоянно пере-создается» [8, с. 7].

Для мыслящего субъекта история служит для деконструкции Символического, для понимания того, кто и зачем создал/вбросил некую идею или конфигурацию. То есть история — это операциональная процедура для приближения к истине политического. История необходима для политического высказывания. История — служанка политики, как ее понимает Ж. Рансьер: в качестве деятельности масс за равенство и свободу против логики полицейского порядка [15, с. 144]. Но служанка не в том грубом смысле королевско-государственной приватизации, а в значении метода мышления, позволяющего субъекту выйти с политической декларацией. Ибо невозможно говорить о будущем без учета моделей прошлого.

История для субъекта — процедура социального психоанализа: она помогает ему понимать, чем является общество, в котором он живет: откуда имеющиеся в обществе и в текущем времени социальные и экономические проблемы, позволяет предложить альтернативу сущего. Объем исторических познаний субъекта зависит от его политических ожиданий. В этом проблема школьной истории: она не отвечает на вопрос ученика о том, что конкретно ему может дать знание о количестве выплавки чугуна в Англии Раннего Нового времени. История всеобщая — часть истории личности, а потому должна быть спущена на этот уровень. История должна знакомить с проблемами и показывать то, как люди решали эти проблемы. История — это история проблемы, история опыта. На субъектном уровне личная история и история социальная переплетаются в конкретно мою историю. Важным становится не само событие, не сам след прошлого (пусть им занимаются археологи), а его значение для конкретного Я, для меня, возможность использования этого фрагмента прошлого в картине моего дальнейшего будущего, будущего моего социума и культуры. История знакомит субъекта с человеческим опытом, а субъект придает ему ценностно-утопическую интерпретацию. Прекрасное вплетение исторического/социального опыта в личностный дает Ф. Арьес, описывая свой путь историка [2, с. 9–22].

История как процедура истины субъекта помогает последнему создать собственную ценностную, этическую шкалу, разработать систему оценок, развить социально-вариативное зрение: научиться видеть тенденции и перспективы. Именно с такой версией истории имели дело ветхозаветные пророки, смысл пророчеств и исторические примеры которых сводятся к предупреждению: «если современники (выделено мною. — Я. М.) не начнут вести себя иначе, их ждет крайне плачевное будущее» [9, с. 32].

Иными словами, история для субъекта — часть этического и политического: она служит условием формирования представления о грядущем.

Если субъекта современности рассматривать как человека, находящегося в диалоге со временем и размышляющего над проблемностью собственного бытия, то для него важным становится то, как его современник, т. е. кто-то, помещенный в те же условия и столкнувшийся с той же проблемой, преодолел подобное. История дает ориентиры того, к чему субъект желает двигаться и чего он желает избежать.

Иными словами, история служит для субъекта материалом разворачивания будущего. Субъект не в состоянии развернуть будущее, не опираясь на предпосылки прошлого, не учитывая варианты, не оглядываясь на имеющийся опыт борьбы. Количество субъектов влияет на количество «возможных историй», сказывается на развитии событий и социума. История служит для направления мыслей и действий в определенном направлении в определенный момент времени и для создания идентификаций (воображаемого сообщества Б. Андерсона) определенных групп.

Если субъект современности — это субъект-живущий-со-временем, то история для него — необходимый инструмент познания времени и его часть. История смыкается с философией, позволяя субъекту видеть свою точку на небе социального и входить в пространство политического. А. Вейсгаупт, ставивший своей целью и целью своих иллюминатов изменение общества, указывал на важность профессии философа и историка, т. е. собственно философа, планирующего историю [10], как профессии, позволяющей заниматься сотворением истории и направлением ее в будущее — профессии управления историей. Для субъекта современности история — это не что-то прошлое, но всегда настоящее — как часть носимого опыта, как часть проживаемого (мы читаем о прошлом, т. е. встраиваем его в собственный эмоциональный и интеллектуальный опыт, как пишут когнитивисты), и всегда будущее — как проект, потому что сама современность есть устремленность в дальнейшее.

Субъект современности не только творит историю, но спускает ее из своего завтра в сегодня. Субъект некоторым образом не живет в сегодня (только физически), но обретается в завтра (ментально), откуда и осуществляет свои критические интервенции в текущее Символическое. Субъект — авангардист. Даже если обращается к прошлому, ратует за возвращение прошлого — это уже прошлое будущего, т. е. измененное, интерпретированное прошлое, прошлое не как оно было, но прошлое как оно видится, после прохождения через очистительные фильтры сознания. Это субъективное советское прошлое с широкими социальными гарантиями и повсеместно доступной колбасой, а не реальное прошлое с дефицитом; прошлое сталинского порядка, а не сталинских репрессий. Взгляд субъекта всегда обращен на дальнейшее. Так Иисус провозглашал Царство, сам воплощая его в своем образе жизни. А Маркс с Энгельсом, совершив операцию подмены акторов и сил, но оставшись в общей канве христианского литературного вымысла, описывали цели, которые необходимо достичь, но призрак которых уже ощущался ими в сегодня.

Таким образом история для субъекта — всегда история личная, всегда история будущего, а сам субъект — область временной смычки, где все теку-

щее всегда действует исходя из грядущего, а грядущее имманентно находится в настоящем. Субъект действует исходя из будущего. Такова человеческая природа в обыденном — в запасах провизии на завтрашний день. Такова природа субъекта в политическом — в разворачивании образа культуры завтрашнего дня. История — инструмент построения завтра. Политическое конструируется за счет исторического. Любая утопия основывается на прошлом, прошлое не существует без будущего.

Разумеется, остается узкое профессиональное историческое знание, более эмпирическое, более археологическое, нацеленное на накопление и описание, некий синтез антикварной и критической истории в терминологии Ф. Ницше. Но это не история субъекта. История субъекта всегда встроена в контекст жизни. Субъект — актер истины, истина раскрывается в бытии через субъекта. И субъект — исторический человек в ницшеанских категориях — устремлен в будущее. Для субъекта история встроена в процесс жизни, в процесс проживания и созидания жизни. Иными словами, история не наука, а процедура *Dasein*. «История принадлежит живущему в тройном отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении» [13, с. 241]. Собственно, Ницше здесь удачно акцентировал восприятие истории как действия и ее служение свободе.

История в пространстве перманентной современности, как и политика [3, с. 116], является мыслью. Онтология истории в пространстве современности базируется на математике множеств. Место истории — в будущем.

История перманентной современности соотносится с хайдеггеровским настоящим [21, с. 391–407], с Теперь, отличающимся от «уже-не-теперь» и «еще-не-теперь» и от очереди последовательных Теперь, заключенных во временную классификацию, предлагаемую часами или календарем. Сама современность в этом контексте непрерывна, постоянна, продолжительна. Она, понятая как настоящее, включает в себя любое иное время (настоящее прошедшее, настоящее настоящего, настоящее будущего [1, с. 187]), т. к. это любое время обретает свою временность, свои характеристики, свое определение только в настоящем, текущем моменте, в субъективной интерпретации индивида. При этом прошлое оказывается будущим, а будущее — прошлым, что меняет само представление об истории и ставит вопрос об изменении методологических подходов в этой сфере познания. История спускается на исключительно личностный уровень, уровень восприятий и интерпретаций, нацеленных в потом и это потом изменивших.

История в перманентной современности не обращается к эпохам, к движениям масс. Являясь по существу мыслительным интерпретационно-проективным процессом конкретного субъекта, она оказывается одним из условий пребывания субъекта со временем — служит способом понимания времени, понимания направления движения Я, понимания горизонта свободы и способов ее достижения. История становится процедурой создания целостности Я (Я не может быть вне времени, вне социального), создания идентификации множества (через интерпретацию Я общего прошлого Мы), обозначения векторов. История — горизонт расширения индивидуальной

памяти и обретения общности судьбы с человечеством. Чувство революционной любви (о которой говорил Че) невозможно без чувства общего прошлого. Горизонт будущего зависит от горизонта прошлого.

Конкретный субъект оказывается точкой конкретного видения прошлого: былое по-своему видели Маркс и Х. Арендт (ее политическая история), Марат и Э. Берк — исторические воззрения каждого из них сказались на развитии культуры человечества в дальнейшем, и мы сегодня имеем дело с наследием их понимания исторического.

История обретает свое бытие как результат деятельности субъекта и размещается внутри создаваемых им ментальных конструкций. История становится синонимом современности, потому что современность — история в точке ее создания. Субъект-современность — сингулярность истории. Мировой Дух разворачивается в субъектах.

Современность — история в точке ее производства, ее сиюминутности. В точке, где она создается «Тем, Кто всегда пребывает, и от Него исходит» [1, с. 181], где существует лишь настоящее [1, с. 187], где создается и прошлое, и будущее, а само прошлое всегда оказывается будущим, т. к. на его основе выстраивается новое символическое поле (Символический регистр), в котором пребывает субъект, т. е. строится новый каркас культуры. История — разворачивание современности во времени (длительно, метанарративно) и создание современности во времени (в сейчас, в мысли конкретно живущего субъекта).

История — непосредственное нарративное воплощение ощущения времени субъектом и его сотворения времени. Время в таком ключе отходит от классификации Ф. Броделя, но становится внутренним переживанием и чувствованием субъекта, ощущением им своей временности, своего преходящего и проходящего бытия-в-мире, изменения собственной телесности. Время уподобляется разрыву, пазлу, фрагментированной картине, как в фильмах Д. Линча «Шоссе в никуда» и «Малхолланд Драйв», которые субъекту предстоит собрать на собственный манер и жить с получившимся ментальным конструктом. Время спускается не только с длительной и средней протяженности, но трансформирует короткую протяженность в протяженность экзистенциального существования: пока субъект жив, время есть; когда субъект мертв — времени нет (перефразируя Эпикура). Для меня лично истории не существует вне меня, а Вторая мировая война актуальна настолько, насколько она дает мне понимание войны как таковой. И если сегодня патриотизм французов упирается в Верден, то именно это и актуализирует для них историю. Именно это и разворачивает культурный горизонт грядущего, так же, как Колыма и Освенцим влияют на контемпоральность.

История — механизм сопричастности культуре и социальному, верности и ожидания политического; механизм вовлечения в общее; способ услышать Дух и Голос Времени, развернутого в длительности, но приходящегося на ограниченность *cogito*. История — способ диалога с теми, кто был до Я, с целью формирования завтра.

История — пространство-время, сжатое в сингулярность субъекта и разворачивающееся из него. Поэтому если говорить о методологии истории перманентной современности, то ее акцент должен быть перенесен с процессов, масс

и понятий на людей, их создающих; на интерпретации и утопии, направляющие действия субъектов культуры. Должен совершиться своеобразный персональный поворот. Только если портретная история прошлого носила назидательно-дидактический и биографический характер, в данном случае речь нужно вести об истории личности в ее взаимовлиянии с культурой. То есть применительно к истории как методу исследования такой подход выражался бы в определении культурных субъектов (Декарт, Кастро, Ленин) и в показе событий и текстов, сформировавших их миропонимание; в составлении карты их картины мира с ее трансформациями; в прослеживании того, как эта картина мира влияла на их действия, отражалась в текстах и ризомой расходилась по другим текстам, обращаясь в События, находя отражение на площадях. Христос, Фрейд, Лакан. Как конкретно мысль субъекта переконфигурирует социальное пространство и с какими альтернативами сталкивается, какой образуется диалог и что складывается в результате. История в такой методологии концепции перманентной современности — это реконструкция путешествия конкретной мысли по времени и пространству в ее диалоге, интересубъективности, перемещении от субъекта к субъекту, интерпретациях, в ее расширении от слова к делу, от страницы к площади.

Но история на уровне субъекта — это экзистенциально свернутое время. Субъект-современность — это свернутое время, пребывающее в текущем жизненном моменте конкретного человеческого индивида, участвующего в диалоговом со-творении культурной матрицы через интерпретацию интерпретаций прошлого (свидетельства немые без своих трактовок, и мы из сегодня уже не в состоянии иметь с ними дело напрямую; собственно, как и с классическими текстами вне критики этих текстов) и настоящего и действий, исходящих из представления о будущем. Субъект познает время текущего, но собственное время в сегодня привносит из завтра: его действия и его мотивация к действиям всегда продлена до События, лежащего в горизонте его ожиданий, выраженных в утопическом проекте политического. Проект политического привлекает к субъекту сторонников, множества, объединенные воображаемой общностью исторического прошлого и исторического будущего. Социальное пространство-время — это интерпретация социальной экзистенции конкретным мыслящим индивидом, развернутое в исторической временной линейке. Дух времени путешествует от субъекта к субъекту благодаря победе той или иной интерпретации, того или иного проекта. Численность сторонников обеспечивает парадигмальность, приводящую к возникновению культуры и цивилизации.

В заключение хотелось бы отметить, что в контексте понимаемой как Я-субъективность перманентной современности история приобретает, с одной стороны, статус одной из процедур субъективации, поскольку нацелена на формирование субъекта через написанием им взаимообусловленных и взаимопересекающихся индивидуального и социального нарративов; с другой стороны, может восприниматься как феномен того, что А. Бадью обозначил в качестве процедуры истины: история одновременно является частью экзистенциального опыта (обретаемого через приобщение посредством чтения текстов или через вовлечение, означающего прямое участие) и процессом,

склонным к самостоятельному разворачиванию, фактически обладающим собственным бытием, т. е. имеющим феноменальную сущность. Как практика субъективации история помогает субъекту «постичь в мысли свое время» (Гегель) и тем учредить себя в качестве свободно мыслящего Я. Как процедура истины история помогает субъекту узнавать истину о себе как о действующем существе, расположенном в вертикально ориентированном мире, т. е. имеющим прошлое и будущее, пересекающиеся в Теперь жизненного цикла субъекта. В таком понимании объективность истории (и ее феноменальность) связана с ее ролью цепочки взаимодействий, ее превращением в поле разворачивающегося во времени диалога между субъектами относительного человеческого бытия. В этом контексте история всегда оказывается преимущественно спором о будущем культуры и цивилизации, ведущимся перманентно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. Исповедь. — СПб.: Наука, 2013. — 373 с.
2. Арьес Ф. Время истории. — М.: ОГИ, 2011. — 304 с.
3. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. — М.: Логос, 2005. — 240 с.
4. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. — М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2013. — 192 с.
5. Борисов С. В. Что значит быть современным (в контексте статьи А. В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») // Социум и власть. — 2013. — № 3. — С. 123–126.
6. Бродель Ф. Динамика капитализма. — Смоленск: «Полиграмма», 1993. — 128 с.
7. Ершов Ю. Г. Современность как проблема // Социум и власть. — 2013. — № 5. — С. 131–136.
8. Жижек С. «Философия начинается с Канта и заканчивается Гегелем». Интервью со Славоем Жижекком для журнала «Логос» // Логос. — 2007. — № 1. — С. 3–13.
9. Иглтон Т. Был ли Иисус революционером? — М.: Свободное марксистское изд-во, 2009. — 64 с.
10. Козеллек Р. Можем ли мы распорядиться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni> (дата обращения: 05.04.2021).
11. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. — М.: Гнозис, 1995. — 192 с.
12. Михайлов И. С. Рациональность в цивилизационной динамике // Социум и власть. — 2014. — № 2. — С. 109–114.
13. Ницше Ф. Собр. соч.: в 5 т. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — Т. 1. — 480 с.
14. Ницше Ф. Собр. соч.: в 5 т. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — Т. 3. — 480 с.
15. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. — 2013. — № 1. — С. 5–14.
16. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. — СПб: Machina, 2019. — 192 с.
17. Саид Э. Культура и империализм. — СПб.: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2012. 734 с.
18. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб: Русский мир, 2006. — 636 с.

19. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. — М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. — 318 с.
20. Тульчинский Г. Л. Современность и субъективность // Социум и власть. — 2013. — № 3. — С. 116–122.
21. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
22. Чупров А. С. Современность постмодерниста, или «некуда бежать» // Социум и власть. — 2013. — № 2. — С. 129–131.
23. Эко У. Заклятие сатаны. Хроники текущего общества. — М.: АСТ: CORPUS, 2019. — 704 с.
24. Элиот Т. С. Назначение поэзии. Статьи о литературе. — Киев: AirLand; М.: Совершенство, 1996. — 352 с.